

Человек в реформирующемся обществе. ФЕНОМЕН НЕГАТИВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Автор: Л. Б. ГУДКОВ

Анализируя данные систематических замеров массовых настроений, проводимых специалистами Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр) на протяжении вот уже более 16 лет¹, можно выделить ряд точек заметного обострения социальной напряженности в стране, снижения доверия к властям, сопровождающихся ростом таких "психологических" показателей, как разлитое в обществе "раздражение", "тоска", "усталость", разного рода страхи, агрессивность и проч. [Общественное... 2004, с. 8, 9, 21, 23]. Первые, еще не очень определенные и плохо опознаваемые проявления этого рода отмечались в 1994 г., затем - во время президентской избирательной кампании 1996 г. (особенно осенью, когда стало проявляться массовое недовольство высшей властью после нескольких месяцев принуждения к голосованию за Б. Ельцина) и продолжались до января 1997 г., далее (уже после финансового кризиса 1998 г.) - массовые истерические реакции весной и осенью 1999 г., связанные с раздуваемой официозом угрозой, исходящей от расширения НАТО на восток, санкциями против милошевической Югославии, бомбардировками Сербии, затем - с терактами в трех российских городах и, наконец, последние по времени - осенью 2002 г. (после Дубровки).

Хотя все они были вызваны разными политическими и социальными обстоятельствами, заметно отличались между собой по интенсивности, распространенности и продолжительности, в их течении проявлялось нечто общее, что позволяет говорить о типичности этих форм массовых реакций. Некоторые из этих краткосрочных периодов массового напряжения (подчеркну - не все) сопровождались всеми признаками "негативной мобилизации", под которой я понимаю феномены быстрого роста диффузного массового раздражения, страха, ненависти, сопровождаемых чувствами общности или близости друг другу членов сообщества, возникающие при появлении врага или врагов, при перспективах крайне нежелательного развития событий, чреватого утратой привычного образа жизни, престижа, авторитета, доходов, статуса, девальвацией групповых ценностей и т.п.

"Негативными" эти механизмы интеграции я называю потому, что моменты консолидации возникают "от противного": ввиду опасности утраты уже имеющегося или при отказе от значимых коллективных символов, что ведет к разрушению коллективной идентичности. Интеграция происходит не на основе позитивных представлений и мотивов.

¹ Массив информации, полученной за все время работы нашего исследовательского коллектива (до 2004 г. он назывался ВЦИОМ), включает материалы опросов свыше 4 млн. человек. Благодаря регулярно повторяющимся типовым вопросам появляется возможность отслеживать динамику изменений массовых установок, или тренды общественного мнения, перетекание коллективных представлений от группы к группе или распространение их в обществе в целом, что невозможно при отдельных тематических, даже крупномасштабных социологических исследованиях.

Гудков Лев Борисович - доктор философских наук, заведующий отделом социально-политических исследований Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр).

вов действия, связанных с ценностными значениями человека, потенциалом его развития, рафинирования этих способностей уже в качестве коллективных приобретений, а как раз ввиду "отсутствия" положительных значений человека, группы или сообщества в целом или признания их принципиальной невозможности в данный момент. Такого рода консолидация возникает, когда нет места надеждам на достижение в будущем каких-то общих целей, вере в возможности улучшения жизни, приближения общественных отношений и институтов к идеальным образцам, их совершенствования или облагораживания в соответствии с представлениями о должном и "высоком" (то есть согласно моральным, правовым, гуманитарным и прочим ценностям). Такое состояние общественного мнения означает, что считавшиеся ранее общепринятыми ценности (то есть ценности, декларируемые авторитетными инстанциями) и разделяемые в обществе или группе с какого-то момента воспринимаются как ходячие банальности, пустая дежурная риторика демагогов или вязкость мышления недалеких людей.

Само по себе стойкое массовое раздражение еще не вызывает негативной мобилизации: параметры массового терпения определены характером пассивной адаптации к происходящему, в том числе - и ценой снижения уровня запросов. Предпосылкой или экспозицией процесса негативной мобилизации следует считать констатацию "состояния кризиса", убеждение, что достигнут некий предел (или идет приближение к нему), за которым могут наступить необратимые изменения в положении людей. Речь идет не просто об экономическом ухудшении материального положения или острой политической коллизии, а о социальном кризисе, сопровождающемся состоянием дезориентированности, непонятности, упорного неприятия происходящего. Здесь гораздо важнее - утрата перспективы, надежд на улучшение жизни, общая неопределенность ситуации, выходящая за рамки хронического неполного доверия политикам и институтам. Это - недовольство своей жизнью при сознании невозможности что-либо изменить, ощущение безвыходности.

Сам факт общепринятой констатации кризиса означает, что с подобным признанием положения дел начинают соглашаться те, кто ранее не разделял подобного мнения. Особенность этих представлений заключается в том, что никто как бы прямо не формулирует таких определений ситуации. (С социологической точки зрения это означает, что ранее выраженные групповые или партийные точки зрения и взгляды "внезапно" становятся "всеобщими", то есть теряют свою привязанность к тому или иному конкретному источнику - СМИ, политику, идеологу, группе, - что индивиды, образующие массу, осознают их в качестве своего собственного решения, мнения, восприятия происходящего, как собственный мыслительный или социальный продукт.) Утратив следы своего происхождения, генезиса, производства, мнения такого рода оказываются само собой разумеющимися, естественными и... непроверяемыми, "объективными". В этом смысле они не могут содержать в себе ничего нового по способу своего образования (но не по содержанию самих представлений). Этим они принципиально отличаются от новационных движений и процессов. Иначе говоря, отличительной особенностью политического процесса в России можно считать групповую невыраженность интересов и взглядов, позиций, смазанность, диффузность групповых артикуляций и пристрастий.

Очень важной составляющей подобных определений ситуации становится хроническое ощущение собственной несвободы, зависимости или подчиненности жизни непривычным обстоятельствам, которые люди не в состоянии контролировать, принудительности социального хода вещей. Причем это состояние неуверенности касается как повседневных проблем существования, так и общих рамок понимания важнейших событий, например смысла и направленности гайдаровских реформ или политики путинской администрации (об устойчиво негативном фоне происходящего см. [Гудков, 2004^a, с. 274 - 280]). Две трети и более опрошенных (68% в декабре 2004 г., 66% - в марте и апреле 2005 г.) говорили о том, что не чувствуют уверенности в завтрашнем дне.

Такое хроническое самоощущение людей можно расценивать как синдром ценностной нефокусированности, расщепленности ценностно-нормативных порядков, процесса их разложения (но не дифференциации), усиление несогласуемости различного рода

ориентации и норм, несовместимости различных ценностных порядков. Производным от этого и является широко распространенное осознание людьми своей беспомощности, крайне ограниченных возможностей отстаивать свои права и интересы открытым, публичным и формальным образом, без тех героических сверхусилий, которых требуют от человека, например, идеологи гражданского общества или правозащитники. Никакого - "На том стою и не могу иначе". "Стоят" как раз на другом: на эластичности социально-нормативных представлений, предполагающей заметное снижение порога допустимости, терпимости, приемлемости. Это двусмысленное желеобразное (в ценностном или моральном отношении) состояние общества поддерживается механизмами, парализующими связи поднимающей или возвышающей солидарности и, напротив, редуцирующими высокий, идеальный уровень требований к поведению и образцам "жлобского" существования.

В таких ситуациях быстро распространяются явления массовой дезориентированности, растерянности, фрустрации, вымещаемой агрессии. Однако они не получают сколько-нибудь заметного выражения до тех пор, пока не кристаллизируются символические объекты и роли, структурирующие и канализирующие социальное раздражение. Чтобы это произошло, общественное мнение должно выделить из числа тех, кто постоянно присутствует на публичной и политической сцене, сверхзначимые персонажи, на которых проецируются массовые настроения недовольства, ярости, возмущения. Этим демонизируемым фигурам приписывается ответственность за кризисное состояние, вменяются в вину несбывшиеся надежды и т.п. Представления о социальной реальности резко упрощаются и архаизируются, чем и обеспечивается возможность их массового распространения. Возникновение на горизонте противника вкупе с требованием или обещанием избавления заметно, а иногда и резко, меняет всю ситуацию, придавая ей определенность, предсказуемость и понятность.

Появление подобных социальных ролей закрывает возможности для рационализации характера институциональной системы общества (в российских условиях - специфику посттоталитарного государства), поскольку тем самым устраняется та ценностная позиция, с которой могла бы производиться процедура саморефлексии, анализа смысловых оснований, представлений о человеке, раз за разом порождающих структуры насилия в отечественной истории. Действительные организация и характер российского общества, его культуры, реальные мотивы действия политиков воспринимаются как незначимые или ничтожные, как случайные или злонамеренные отклонения, нарушения, извращения того, что "должно быть" на их месте. (Чаще всего под этим подразумеваются остатки демагогической риторики социализма, государственного патернализма, планового хозяйства и т.п., пребывающие в самом спутанном и неразвернутом, неосмысленном, непроработанном виде.)

Зависимость суда, парламента, прессы и других институтов от высшей исполнительной власти помечается (и воспринимается) как "неразвитость демократии", "слабость" правовых государственных институтов или гражданского общества. Другими словами, это *своеобразие* функционирования сохраняющихся институтов прежнего времени социальной элитой "переводится", с одной стороны, в категории процессуального плана интерпретации ("перехода", строительства, формирования, то есть вводится презумпция направленной и целесообразной политики), а с другой - ему придается легкоузнаваемый персонифицированный или, напротив, неопределенно-личный характер, свидетельствующий об антропоморфизации социальных сил. Персонификация социальных отношений и процессов (касается ли это позитивных персонажей или отрицательных фигур) позволяет и массовому сознанию, и российской социальной элите (массовидной по своему характеру) вводить причинно-следственные модели объяснения происходящего, что придает вид осмысленности, очевидности и понятности, в противном случае совершенно иррациональной картине коллективной действительности².

² Когда речь заходит о дальних символических действующих лицах, появляются неопределенные фигуры - "Запад", "Америка", когда о ближних - возникают "террористы", "олигархи", "демократы-реформаторы", короче, - "они".

В отличие от протестных движений, обладающих более или менее четкими признаками организации и, соответственно, характеризующихся ядром своих лидеров, артикулирующих программные лозунги, символы, цели и средства движения, называющих его оппонентов и союзников, имеющих как актив своих сторонников, так и пассивную массу сочувствующих, негативная мобилизация обусловлена другими механизмами и побудительными мотивами. Она диффузна, ее основания и принципы эластичны, трудноопределимы и неартикулируемы. Она не является результатом сознательного планирования или рационального политического манипулирования, хотя механизмы, ее порождающие, могут включать в себя те или иные компоненты идеологической пропаганды, в том числе планомерной деятельности СМИ, отдельных политиков или партий. Негативная консолидация (мобилизация) является "стихийным ответом", массовой реакцией на определенное состояние институциональной системы общества. Представления или настроения такого рода появляются "одновременно" у многих как бы не зависимых друг от друга участников социального действия в качестве общего или единообразного определения ситуации и, соответственно, поведения.

Процесс негативной мобилизации (в отличие от "позитивной" мобилизации, например успешной электоральной деятельности какой-то политической партии) обусловлен движениями "снизу вверх". Представления, взгляды, фобии или настроения, присущие низовым слоям и группам, социально-культурной периферии, заимствуются, подхватываются или сознательно эксплуатируются более высокими статусными группами как "глас народа" или предполагаемый ресурс поддержки, или "сама объективная действительность". Распространение подобных представлений идет от средненизовых групп и периферийных слоев наверх, захватывая более уважаемые уровни политики и журналистики, имиджмейкеров, пропаганды, а затем - и репродуктивных институтов (вузы, школы и проч.)³.

Динамика негативной мобилизации связана не просто с аккумуляцией недовольства и социального напряжения, но и с условиями оформления их в категориях предшествующих идеологических стереотипов. Без этого массовый рессантимент, раздражение, страхи и недоверие к властям, как показывают данные нашего мониторинга, остаются по большей части фоновыми настроениями, в ограниченной мере попадают в зеркало СМИ, стерилизующих их критический потенциал даже тогда, когда эти настроения в массе своей преобладают в обществе.

Тем самым негативные рутинные стереотипы и предрассудки получают санкцию общепринятых стандартов определений действительности. Важно подчеркнуть, что такого рода определения во всех периодах реакции российских властей направлены против той части правительственных кругов, власти, номенклатуры, которые выступают с реформистскими и либеральными программами. В последнее десятилетие подобная стереотипизация была произведена с М. Горбачевым и младореформаторами (Е. Гайдаром, А. Чубайсом и др.), затем с самим Б. Ельциным и "олигархами" (Б. Березовским, М. Ходорковским), правыми и демократами в целом. Негативная мобилизация особенно значима при дискредитации этих фракций номенклатуры. Обратным светом она позволяет восстанавливать легитимность противостоящих изменениям системы консервативных институтов - армии, спецслужб, полиции, системы образования (и персонифицирующих их политических лидеров), которые и становятся в этот момент для определенной части населения воплощением национальных символов и ценностей. Иначе говоря, в ходе негативной мобилизации групповые настроения раздражения и недовольства могут стать заместителями идеологических программ и партийных позиций. Однако особенность негативной мобилизации заключается в том, что это не просто *суррогаты идеологии*, а такие высказывания, представления, претензии, манифестации,

³ Кризис 1998 г., собственно, и ознаменовал переход массового недовольства от групп, занимающих *средненизкие социальные позиции*, к *средним и обеспеченным*, хотя апелляция к властям и обществу при этом шла от имени "*бедных*", а не *средних* страт.

которые, принимая форму массовых или групповых мнений, осознаются или воспринимаются как *заведомо ценностное снижение, как намеренно оскорбительное по отношению к субъекту высказывание*. Эта намеренность снижения *ясно осознается и говорящим, и воспринимающим*.

Нельзя сказать, что здесь имеет место ложное понимание, ошибка или темное, тупое мифологическое восприятие реальности. Напротив, особенность этой формы массовой апелляции и, соответственно, консолидации на этой основе, заключается в интенции на заведомое, демонстративное и неприемлемое упрощение, эпатажность и недопустимость которого в принципе осознается говорящим и его партнером или адресатом, реципиентом. Именно эта схема вменяемой актору упрощенной интерпретации его мотивов и становится основой для взаимопонимания или социального консенсуса в обществе. Оправдание такому упрощению и снижению лежит в плоскости квалификации суждения как "голой правды", "гласа народа", общего мнения.

Подчеркну, что хранителем этих резидуумов является не сама по себе управленческая бюрократия, а репродуктивная "образованщина", бывшая советская интеллигенция - учителя, ИТР, журналисты. Интродукторы негативной мобилизации - *депремированные группы провинциальной бюрократии второго-третьего эшелона*, а также представители тех институтов, которые после краха коммунистической системы и распада СССР оказались отодвинутыми от возможностей распределения ресурсов - ведомственного чиновничества, армии, спецслужб, правоохранительных структур. Не имея доступа к власти, но претендуя на нее, они апеллируют к тому пласту хронического массового недовольства жизнью, которое само по себе не может быть каким-то образом артикулировано или активизировано, но может быть использовано в качестве средства борьбы между разными номенклатурными каналами, быть направленным против группировок, пришедших к власти или удерживающихся при нем под флагом политики реформ и модернизации⁴.

Эту массовую неспособность к пониманию других, точнее - к пониманию именно энтузиастических реакций и душевных движений, следует считать одной из важнейших особенностей антропологии посттоталитарного, постсоветского человека, характерной составляющей национальной идентичности русских. Речь идет не о неразвитости или человеческой тупости, но о склонности к объяснению действий других людей (как партнеров, так и оппонентов) самыми низкими мотивами и интересами, готовность принять любой вздор за самоочевидные вещи, если только эти аргументы отталкиваются от "подлой" стороны человеческой природы как общезначимой и "рациональной" основы социальности.

Как правило, в качестве схем для объяснения принимаются модели действия, "свободного" от традиционных представлений и ограничений, например перенос чисто "экономических", целерациональных моделей действия на сферы неэкономического поведения и моральных взаимоотношений людей, семейного существования, участия в общественно-политических организациях, в том числе гуманитарно-благотворительной деятельности и пр. Распространенность геополитики среди российских политиков, политологов, политтехнологов предполагает то же самое сознание: мы (Россия) ничем не отличаемся от других стран, называющих себя "демократическими", "цивилизованными", "развитыми", у нас есть свои национальные "интересы", сводящиеся к утверждению своей силы, власти, получению тех или иных предпочтений, ибо никаких других интересов или принципов, кроме равенства в силе, желании доминировать, пользоваться выгодами эксплуатации, по существу, нет. Всякие другие "философствования" - лишь лицемерные попытки закамуфлировать хищнические стремления "благородными" словесами.

⁴ Здесь лежит источник массового русского расизма и номенклатурного национализма: реальную опасность представляют не скинхеды или баркашовцы, то есть не маргинализованные и агрессивно настроенные подростки, а уязвленная бюрократия.

Образцы, паттерны для структурирующих процессы негативной мобилизации образов врагов заимствуются из ресурсов архаических, традиционных фобий и предрассудков, идеологических представлений предшествующих эпох и периодов либо - что более важно - *строятся, моделируются по архаическим образцам представлений предшествующих периодов и эпох.* (Так пассивный сегодня сам по себе антисемитизм служит парадигмой для рационализации и развертывания других ксенофобий и расизма.) Чаще всего смысловыми ресурсами для негативной мобилизации становятся фантомные элементы разнообразных националистических конструкций, появившиеся в конце XIX в. и соединившиеся причудливым образом с рутинными ходами советской тоталитарной пропаганды. Здесь сочетаются самые разные формы негативной идентификации, включающие идеологические элементы как великодержавности, российской имперской культуры (русского черносотенства, национально-религиозного возрождения, декаданса Серебряного века, марксизма), так и компоненты закрытого мобилизационного общества уже советского типа с характерными комплексами изоляционизма, исключительности, рессантимента, ущемленности, внешней и внутренней опасности, терпения, противопоставления русского всему остальному миру, в особенности - более развитому, богатому и свободному, и иными рефлексам конспирологического сознания. Общим для всех этих идеологических резидуумов является их функциональная консервативно-охранительная роль⁵.

В ходе наших исследований накопилось множество свидетельств или проявлений общераспространенного цинизма, характерного и для властей, и для населения. Типологически их можно свести к нескольким вариантам. Это цинические или нигилистические оценки: действий властей и государственных институтов (самой конституции, суда, парламента, правительства, партий); влиятельных в обществе групп (бизнеса, бюрократии, военного командования); политических событий и процессов (в историческом или недавнем прошлом, например подавления путча ГКЧП в 1991 г.); отношений основных групп в обществе. Можно добавить к этому и упреждающую враждебность к странам Запада, к любым авторитетным фигурам, и неверие в благие мотивы людей вообще, и др. Разумеется, все эти типы невозможно проиллюстрировать в рамках одной статьи, но некоторые явления я попытаюсь показать.

При первых описаниях явления негативной мобилизации рассматривались как отдельные реакции общественного мнения на те или иные внешние факторы или - в более общей форме - как специфические механизмы массовой идентичности. Казалось, что эти волны негативизма, спорадически появляющиеся и быстро исчезающие (например, вспышки антиамериканизма или приливы и отливы доверия и недоверия "вождям"), не оставляют после себя следов в коллективном сознании. Однако со временем, по мере накопления эмпирического материала, позволяющего, пусть грубо, лишь в самых общих чертах, проследить ряды подобных данных и анализировать структуру и фазы интенсивности негативной консолидации, стало ясным, что последствиями этих регулярно возникающих реакций массового сознания становятся определенные изменения или "эрозия" ценностной системы российского общества⁶.

Нельзя сказать, что прежнее советское общество более морально или гуманистично, но его цинизм был прикрыт системой общеобязательных деклараций и самохарактери-

⁵ Обычно в качестве циников или сознательных провокаторов, позволяющих переступить грань общественных приличий, называют очень немногих публичных деятелей: В. Жириновского и его эпигонов - Д. Рогозина, А. Митрофанова и т.п. Однако подобное ограничение не может быть оправданным какими-либо серьезными аргументами. Демагогия, намеренная ложь или провокация присущи очень широкому кругу политических и культурных актеров, начиная от высших чиновников и кончая каким-нибудь шоуменом. В российской риторической практике цинические высказывания воспринимаются обычно как общепринятые правила публичной игры, как своего рода подчеркнутое, или знаковое, поведение и не подлежат этической, религиозной или эстетической оценке.

⁶ Одновременно можно говорить и о существенном росте массовой диффузной ксенофобии.

стик, которые не допускали "кислотные" слои или компоненты на публичную сцену. В условно выделяемом "этическом" плане значимы были партикуляристские нормы социальной регуляции (лояльности, честности, порядочности и т.п.) или нерационализируемый пласт традиционалистского поведения, обычных обязательств предписаний должного, приличного и подобающего. "Двоемыслие", глубоко разветвленная и эшелонированная практика адаптации общества и человека к репрессивному воздействию тоталитарной власти, социального контроля, всеобщему заложничеству, доносителству, предательству снимали вопрос о моральной оценке того или иного действия. В условиях организованного насилия нет места для этической квалификации и рационализации частного или коллективного поведения или существования. С течением времени, с уходом Большого страха остается страх мелкий, мотивированный интересами карьеры, материального благополучия, мнения начальства и т.п., охватывающий, главным образом, сервильную часть бюрократии или зависимых от власти групп населения.

Сильнее всего эти процессы трансформации ценностных структур затрагивают репродуктивные группы, затем - более молодые и ресурсообеспеченные, социально продуктивные группы в обществе, кастрируя их или парализуя их инновационный потенциал. Уже потом они распространяются на более широкие, "средние" (по всем параметрам и характеристикам) социальные слои, чье поведение не выходит за рамки нормативно предписанных норм и правил, образа мысли и жизни⁷.

Поскольку ценностные требования никогда не могут быть массовыми и повседневными, а всегда лишь рационализированными нормами и предписаниями специализированных институтов (религии, образования, культуры и т.п. или интеллектуальных групп - элит, публичных идеологов), то распространение среды подобных настроений может свидетельствовать лишь о кризисе и нарастании дисфункций в системе несущих институтов. Атрофия безусловного и готовность довольствоваться тем, что считается неценным, малощенным или негативным с точки зрения ценности, но - "своим", "нашим", качеством, присущим членам группы или сообщества может быть описана как "*отсутствие моральной ясности*"⁸.

Недавним примером этим утверждениям могут служить события на Украине. "Оранжевые" манифестации в Киеве, если судить по опросам общественного мнения, были восприняты лишь немногими россиянами с симпатией, завистью и ностальгией по 1991 г.; другими, гораздо более многочисленными, - с выраженным недоверием и недоброжелательством, но большинством - с равнодушием и покорной апатией людей, приученных к тому, что все всегда будет так, как того хочет власть [Дубин, 2005, с. 32 - 33]. Преобладание у россиян негативных чувств в отношении массового энтузиазма, проявленного противниками украинской номенклатуры, усугубленных провалом российской политики на Украине, связано не только с имперским комплексом обиды на "младшего брата", но и с темным раздражением, похожим на отношения старого циника и неудачника к юношескому романтизму и увлеченности. Журналисты с готовностью воспроизводили версии, предложенные кремлевскими политтехнологами, а общество делало вид, что принимает их всерьез.

Однако это определение (отсутствие моральной ясности) - слишком общая и негативная характеристика. Такая квалификация еще ничего не говорит о причинах, делающих такую ясность невозможной, о социальных механизмах, порождающих нигилистическое действие.

В принципе публичный цинизм (социальный, культурный, философский, эстетический), как об этом говорит уже само слово "циник" (киник), известен достаточно давно.

⁷ Косвенно об этом свидетельствует процесс распространения агрессивных мнений и представлений в среде молодых и самых активных групп, рост в этой среде ксенофобии и национализма, более выраженная поддержка Путина как символической персонификации "нашизма" и т.п., чего ранее, в первые годы перестройки начала реформ, не наблюдалось.

⁸ Это выражение (*the lack of moral clarity*) принадлежит Н. Щаранскому [Sharansky, Dermer, 2004].

Рафинированный цинизм появляется как запаздывающая реакция на серьезные тектонические изменения в обществе, раскрывающая теневую сторону ценностных инноваций, обнажая, осмеивая и тем самым утверждая трансцендентальную природу идеального, указывая непреодолимость дистанции реального и значимого. Вульгарный цинизм - глумливо-ироническое отношение к тому, что считается или проявляет себя в качестве "высокого", "принципиального", сверхценного; он остается достоянием неудачников, позицией эпигонов, аутсайдеров социальных и культурных процессов. Цинизм - это не релятивизм, указывающий, как минимум, на относительность любых ценностных значений, их принадлежность к определенному кругу людей или социальной группе, в которых они значимы, а установка на сознательную девальвацию всего, что может придать человеческим действиям надындивидуальную значимость. В этом смысле возможная когда-нибудь типология цинизма должна строиться применительно к тому, какая социально-институциональная сфера общества в процессе изменений была нагружена особыми ценностными значениями и почему именно эти изменения вызвали массовую реакцию разочарования и депрессии. В наших условиях циническая реакция (стеб, соцарт и т.п.) последовала на идеологические утопии и иллюзии, связанные с трансформациями властных отношений.

Привыкание, приспособление, адаптация к репрессивной институциональной системе и к практике неограниченного административного произвола - это привыкание к существованию, говоря словами М. Салтыкова-Щедрина "применительно к подлости", то есть обесценивание проблемных рамок существования. Негативная мобилизация потому и в состоянии обеспечить кратковременную поддержку фигурам второго-третьего ряда, силовикам, эпигонам-традиционалистам, что ее эффект заключается в оттеснении от власти потенциальных лидеров, других ценностно-окрашенных фигур.

Так, российские демократы не выдержали демагогии "врага", националистической риторики, ибо по своим интенциям (а не декларативным позициям) они такие же циники и "государственники", что и менее либеральные провинциальные националисты, силовики-патриоты. Единственное, как выяснилось после начала второй чеченской войны, после необходимости определения отношений к расширению Евросоюза и т.п., их отличие от путинской команды - в том, что они мыслили рынок, демократию в качестве средства возвращения силы и величия государства. По существу, капитуляция или сдача власти лидерами демократов своих принципиальных позиций была предопределена, поскольку у них не было сильных аргументов против цинизма эпигонов советской системы или геополитической демагогии. В общих рамках мобилизационной риторики власть оказывается гораздо сильнее: она лучше организована и располагает реальными средствами защиты от экстремальных угроз (по крайней мере в воображении масс).

Ранее и мне и другим аналитикам из "Левада-Центра" не раз приходилось говорить о том, что основу актуального социально-политического порядка в России составляет сочетание гипертрофированных надежд на президента с известным недоверием к важнейшим общественным институтам - правительству, парламенту, СМИ и в особенности к местным органам власти, суду, правоохранительным структурам, профсоюзам, партиям и т.д. [Гудков, 2004⁶; 2000; Левада, 1998; Зоркая, 1999]. Отмечу, что как бы ни были сильны и стойки недоверие к власти, негативная оценка действующей сегодня властной элиты, они мало что меняют в общей раскладке сил в обществе, поскольку люди смиряются с таким положением дел, объясняя себе и другим, что "так всегда было", что "плетью обуха не перешибешь" и т.п. Дело вовсе не в их неудачном реальном опыте сопротивления карьеристам или недостаточной гражданской активности, а в том, что нигилистические установки парализуют саму мысль об отнесении императивов подобной деятельности не только к неким "другим", но и к себе самому. Представление о политике как деятельности хищников и карьеристов и есть иное по форме выражение собственного цинизма основной массы населения, оборачивающегося пассивностью, покорностью, равнодушием, астенией.

Примечательно, что по мере приближения к выборам, по данным наших опросов 1999 - 2004 гг., недоверие к их организаторам, администрации, лишь усиливалось, достиг

гая максимума за два месяца до дня голосования. Но предопределенность их результатов сыграла парадоксальную роль, заставив колеблющуюся часть избирателей признать, что выборы прошли, скорее, без нарушений и подтасовок, без давления на избирателя; однако затем эта уверенность опять заметно снижается. Такое отношение к выборам не стоит расценивать как практическую оценку формальной стороны и корректности их проведения, скорее, это проявление общего недоверия к готовности властей уважать "свободу воли избирателей". Это не реакция защитного скептицизма людей, приученных всю жизнь вполуха слушать привычное суесловие и советскую демагогию. Правильнее было бы видеть в этом цинический опыт людей, поверивших было в то, что новые времена принесут с собой и новые правила отношения общества и власти, а потом - разуверившихся в этом, более того - принявших нынешний порядок за норму политического существования. Иначе говоря, суть негативных установок заключается не в "эмпирической" констатации "несовершенства" социально-политического устройства России или незрелости, неразвитости демократии, что означало бы направленный в будущее вектор "совершенствования", а в *отрицании самой возможности подобного позитивного утверждения.*

Область произвола, по мнению преобладающей части опрошенных, распространяется не только на повседневные отношения власти и граждан, милиции или местной бюрократии, но и на отношения с олигархами, оппозиционными партиями, любыми конкурентами или партнерами властей *предержавших*⁹. На вопрос, "можно ли в России найти защиту от произвола властей, и если да, то каким образом?", 49% (абсолютное большинство) дали отрицательный ответ и лишь 4% опрошенных сказали, что у нас нет произвола властей. Прочие посчитали возможным найти защиту, "обратившись в суд" (10%), к влиятельным знакомым лицам (8%), к "браткам, мафии" (5%), в СМИ (4%), "откупиться, дать взятку" (5%) и т.п.

Дело не просто в распространенных представлениях о криминальном характере российского общества и бессилии или, напротив, беззаконии власти. Едва ли можно отрицать высокий уровень социальной дезорганизации, аномии, преступности, характерный для сегодняшней России. Однако все это имеет характер не столько фактической констатации, сколько выступает в качестве "предрассудка", ценностной установки, диктующей выбор самых примитивных моделей или схем интерпретации действий "другого", понимания коллективной социальной действительности. В основу ее кладется предельно сниженная модель экономического действия, освобожденного от традиционных предписаний, но вместе с тем и не предполагающая многообразия потенциальной графикации. Эта модель действия исходит из дефицита социальных коллективных ценностей, мотивирующих действие, и выражает лишь одно - отсутствие достаточных оснований для учета других моральных или этнических ценностей, собственно состояние деградации или дегенерации более высоких уровней культуры.

Явления и масштабы цинической культуры не сводятся к той или иной форме откровенного пренебрежения, если не сказать - глумливого, отношения к тому, что считается "моральным", "правильным", "гуманным" или "должным" (такая роль, скорее, характерна для некоторых репрезентативных, репрезентирующих "публику" или "всех нас" фигур - писателей, актеров, юмористов, эстрадных клоунов, политиков). Речь идет о нормативных представлениях, незначимости декларируемых в качестве всеобщих, невозможности их учета или, точнее, об отсутствии их в горизонте повседневного взаимодействия, привыкании к такому состоянию как к обычному или естественному.

⁹ Так, данные ежемесячных опросов (всего было проведено 12 замеров) о реакции населения на дело М. Ходорковского свидетельствуют о том, что преобладающая часть россиян воспринимает этот суд не как правовой процесс, не как расследование нарушений буквы и духа закона, а как демонстративную акцию устрашения, направленную против крупного бизнеса, как произвол, пусть даже прикрытый формальными юридическими процедурами, наконец, как средство экспроприации собственности и передачи ее людям, близким к президенту.

Распространение подобных механизмов организации социальной жизни или структур социального действия означают процессы дегенерации¹⁰ системы ценностей, точнее - невозможность институционализации соответствующих ценностей, отсутствие каких-либо групп, которые были бы озабочены проблемами ценностной рационализации повседневной жизни. В этом плане цинизму власти соответствует массовый цинизм "снизу" или, другими словами, общественный консенсус носит нигилистический характер.

Цинизм охватывает не только саму авторитарную и беспринципную власть, бюрократию или слои, "выигравших от реформ", "адаптированных", приспособившихся к изменениям, "вынужденных крутиться", чтобы сохранить тот образ жизни, который соответствовал бы их запросам, но и "демократов", политическую "оппозицию", претендующую на особую роль защитников либеральных и гуманистических ценностей и легко идущих на сделку с действующей авторитарной властью, если это представляется тактически "рациональным" и выгодным для "экономических реформ", "демократизации" или еще чего-нибудь. Последствия менее явного, но более глубоко укорененного цинизма либералов и демократов проявляются в программной стерильности их социальной политики, в высокомерном отношении к населению, ставших причиной их полного поражения на выборах и неизбежного ухода из политики.

Цинична и позиция Русской православной церкви, с готовностью обслуживающей нынешний режим, войну в Чечне и пр. Но если эта позиция обусловлена не столько идеологическими, сколько вполне материальными интересами церкви как ведомства, то массовый цинизм возникает прежде всего в процессе адаптации к антиномическим условиям существования, при отсутствии авторитетных групп и инстанций, способных рационализировать двусмысленные и противоречивые императивы разных ценностных порядков. Яркий пример тому - отношение к войне в Чечне, которую абсолютное большинство россиян считают "несправедливой".

Хотя большая часть россиян не верит властям и официальным СМИ, раз за разом твердящим об окончании боевых действий и нормализации ситуации в республике, в общественном мнении нет понимания, каким образом можно выйти из этой тяжелой и фрустрирующей ситуации. Поэтому наиболее общая реакция населения сводится к тому, чтобы вытеснить саму проблему - избавиться от Чечни как источника неприятностей, тем или иным образом приняв факт ее выхода из состава России. На протяжении последних 10 лет доля тех, кто допускал "отделение Чечни", составляла в среднем 58%; лишь однажды (в 1999 - 2000 гг. на пике негативной консолидации вокруг Путина) этот показатель опускался до 42 - 43% [Гудков, 2005, с. 56]. Подавляющее большинство россиян было готово отпустить мятежную провинцию, лишь бы избавиться от самой проблемы.

Вместе с тем понимание тупиковости или проигранности войны не означает признание за чеченцами каких-либо достоинств, позитивных качеств, которые могли бы (обратным светом) заставить россиян признать собственную ответственность или вину, вообще считать их достойными противниками. Напротив, определяющими здесь являются стремление лишить чеченцев тех человеческих качеств, которые потребовали бы соответствующей позитивной идентификации с ними, дисквалифицировать, принизить мотивы сепаратистов и мятежников. Такие установки ведут к тому, что почти половина (48%) полагают, что главным мотивом поведения чеченских боевиков-сепаратистов и смертников-самоубийц является не стремление к независимости или "жажда мести" (то есть ценностные мотивы действия), а "алчность", "деньги"; в то же время сильно убеждение, что чеченская война не кончается потому, что значительная часть генералов и армейских командиров куплены чеченцами.

¹⁰ "Дегенерации" - скорее в нормативно-методологической плоскости анализа и рассуждения, а не в смысле усиления исторического или эмпирического нигилизма. Маркировка подобных явлений "невозникновения", как и в середине позапрошлого столетия, отмечает состояние потенциальной, но так и не реализовавшейся социокультурной дифференциации.

В ответах на вопросы о мотивах чеченских террористов (сентябрь 2004 г.) наиболее часто выбирается вариант "стремление к наживе, к деньгам, которые платят им за проведение терактов" (48%). Вторым по частоте вариантом ответа стал "чувство мести за гибель близких, за разрушения, произведенные федеральными силами в Чечне" (22%); еще 14% опрошенных считают, что чеченцев толкает на боевые акции их "агрессивная природа, находящая выход в насилии над беззащитными людьми", и чуть меньшее количество респондентов приписывает им "ничем не обоснованную ненависть к нашему народу, нашей стране" (11%). Иначе говоря, сумма негативных ответов достигает 72%.

Явная абсурдность преобладающих интерпретаций мотивации боевиков указывает на "подсознательную подмену", подстановку одного ценностного комплекса мотивов, неприемлемого по каким-то причинам для говорящего, непризнаваемого им в других (в данном случае - у чеченских террористов-смертников), отрицаемого и вытесняемого, другим комплексом мотивов, высокозначимым и ценным, но не могущим быть реализованным, а, кроме того, имеющим в данных обстоятельствах негативное значение в общем мнении. Ибо одно дело - когда "русские во время войны жертвовали (жертвуют) собой", и другое дело - когда то же самое нужно сказать о "каких-то чеченцах, бандитах и дикарях". Иначе говоря, здесь мы имеем дело с типичным для психоаналитика случаем "проекции" на "другого" собственных (очевидных) мотивов и вытесняемых желаний.

Исходя из этого, доминирующее в российском обществе желание заключить мир подавляется принятием значительной частью россиян (почти половиной) официальной точки зрения на руководителей чеченских боевиков как на "бандитов и террористов, с которыми нельзя вести переговоры" (так считают 44% опрошенных). Правда, почти столько же (42%) полагают, что "среди чеченских боевиков есть умеренные люди, с которыми можно и нужно вести переговоры" (прочие затруднились с ответом, данные января 2005 г.). Однако полностью устранить следы этого вытеснения чувства скрытой вины не удастся, что и приводит к парадоксальному и неожиданному признанию войны "несправедливой".

Вместе с тем обесцениванию, дисквалификации здесь (в чем и заключается особенность негативной мобилизации) подвергается не только "другой", предполагаемый партнер - объект неприязни, но и все другие действующие лица, в том числе, казалось бы, "свои". Иначе говоря, возникающее в результате негативной мобилизации общественное сознание представляет собой состояние моральной дезориентированности, неспособности к какой-либо практической оценке, кроме интегрирующей нигилистической "чума на оба ваши дома". Со временем исчезает даже ненависть, консолидировавшая общество в первый момент мобилизации (снижение более чем в полтора раза: с 44% в 2000 г. до 24 - 28% в 2003 и 2004 гг.). Дело не в неинформированности или незнании обстоятельств дела, требующих моральной оценки или позиции, а в социальном бессилии, цинизме как общей схеме адаптации к социальному миру, предъявляющему несогласуемые требования.

Чувство неправоты, вины или, как минимум, психологического дискомфорта, никуда не исчезает, оно уходит в коллективное "подсознание", то есть локализуется в такой системе координат и дефиниций реальности, которое не предполагает практического действия, не имеет отношения к предполагаемому или возможному партнеру. Поэтому, как ни странно, всеобщая апатия и пассивность россиян сочетается с быстрой готовностью при случае согласиться с ответственностью и фактом вины лидеров страны, ответственных за все, что происходит в России, в том числе и с готовностью признать преступниками тех, кто отдал приказ о начале войны. Люди легче соглашаются признать виновными ушедшую власть, чем действующую, но тем не менее и в этом случае процент обвинителей достаточно велик - это господствующее в обществе мнение.

Употребляя метафору "ценностное бессилие", я имею в виду не состояние простой дряблости, а действие специфического механизма парцелляции, дробления, фасеточного зрения, создающего сегментированное поле восприятия и оценки реальности, при котором оказываются невозможными интеллектуальная или моральная генерализация,

обмен точками зрения, нормы категорического императива как одной из базовых составляющих современного общества.

Негативная мобилизация или идентификация оставляют после себя выжженное ценностное пространство, в пределах которого уже невозможны никакие смысловые инновации, энтузиастический подъем или позитивная GRATIFICATION. Вместе с тем негативная мобилизация никогда не носит тотального характера. Будучи своего рода суррогатом идеологии, она охватывает более ангажированные и политически активные группы, стерилизует их, лишая общество каких-либо надежд на изменения в ближайшем будущем. Ее результатом становится консервация некоторых элементов старой структуры и поддержка лидера, сохраняющаяся до тех пор, пока воспроизводится ситуация безальтернативности во всех сферах. Но одновременно создаются условия для разложения самой власти и диффузной реакции отторжения у социально слабых и периферийных по отношению к власти и центральным символическим институтам групп. Это отторжение, резонирующее с накапливающимся недовольством неэффективной властью у более образованных и предприимчивых групп населения, усиливающимся чувством стагнации, тупика, разложения, не трансформируется в те или иные усилия по консолидированию групповых интересов или взглядов, образованию союзов и ассоциаций, а принимает форму ожидания, проекции на будущее какого-то неопределенного по характеру социального взрыва, коллапса, кризиса, который откроет путь к последующей модернизации страны. Иначе говоря, социальные мечтания эпохи застоя воспроизводятся и в сегодняшней ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Л. Негативная идентичность, М., 2004^a.

Гудков Л. О легитимности социального порядка // Вестник общественного мнения, 2004^b. N2.

Гудков Л. Отношение к правовым институтам в России // Вестник общественного мнения. 2000. N 3.

Гудков Л. Цинизм "непереходного общества" // Вестник общественного мнения. 2005. N 2.

Дубин Б. Россия и соседи: проблемы взаимопонимания // Вестник общественного мнения. 2005. N1.

Зоркая Н. Политическое участие и доверие населения политическим институтам и лидерам // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. N 1.

Левада Ю. Феномен власти в общественном мнении: парадоксы и стереотипы восприятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. N 5.

Общественное мнение - 2004. М., 2004.